

ПСИХОСЕМИОТИКА

Сергей Анатольевич Красножен

(Одесский государственный университет, Кафедра русского языка
Украина, 270021 Одесса, ул. Петра Великого 2)

Семиотика, являясь гуманитарной научной дисциплиной, при первом знакомстве производит несколько безжизненное впечатление. И хотя многое зависит от автора и от области применения, все же ранняя семиотика, действительно, ограничивалась одним лишь изучением знаковой системы как таковой вне ее связи с гуманитарными науками и самим процессом означивания. Эта неполнота была относительно быстро замечена (например, А.Ж. Греймасом и Ж. Курте (1983)), но уже после того, как Р. Барт в своих трудах (1989) сделал попытку придать семиотическому анализу "человеческое лицо" (подвергшись за это критике в интуитивности, отсутствии строгой концептуальной дисциплины воображения и т.п.). Но была (да и сейчас, пожалуй, наблюдается) еще одна, вполне закономерная для раннего этапа этой науки черта – ее невнимание к индивидуальным процессам семиозиса, отсутствие "психосемиотики" (в противоположность "социосемиотике" как анализу социальных коннотаций). У Барта это было преодолено в работах: он писал не только о чужих произведениях, но писал и себя, достаточно будет такого примера: "Удовольствие от текста можно определить... как тип практики, предполагающий определенное время и место чтения: загородный дом, провинциальное уединение, близящийся ужин, зажженная лампа, домочадцы, пребывающие там, где им надлежит быть, – за стеной и в то же время под боком... Такое удовольствие может быть **высказано**: оно-то порождает литературную критику" ("Удовольствие от текста"). В традиционной манере об этом можно было бы сказать: "Человеческой теплотой веет... и т.д.". Выражаясь научным стилем, это – индивидуальные коннотации (их существование предполагал уже Ельмслев). И то, и другое верно и правомочно. Все дело в том, чтобы, не умертвив человеческого смысла, попытаться его (по возможности научно) осознать. Критерий научности семиотики,

по словам Греймаса и Курте (1983), состоит в непреклонном требовании существования эксплицитной теории, объясняющей данную семиотику, то есть речь идет о том же осознании; результаты осознания (это слово, между прочим, употребляется как термин в психологии и нейробиологии) могут быть сформулированы на естественном языке (обычное парафразирование на естественном языке часто используется в современной семантике как язык описания), но должны иметь вид аксиоматической системы.

Аксиоматика внешнего мира давно уже научно легитимирована – это евклидова геометрия и ньютоновская физика, описывающие четырехмерное время-пространство. Аксиоматика внутреннего мира человека закономерно формулируется позже на основе донаучной формы осознания – вербальных символов, использующих наглядные представления о внешнем мире: "горе" от "жар, гореть"; "страх" от "цепенеть, коченеть" и т.д. Это, по всей вероятности, то, на чем и придется остановиться: даже специалисты по человеческому мозгу пишут, что никакие описания психофизиологических механизмов не дают нам адекватного представления о том, что человек чувствует при этом. С другой стороны, без аксиом, некоторого набора априорных положений, не обходится никакая наука. Наша психика работает в другом, уже не четырехмерном мире – вспомним энергетическую концепцию психики П. Жане (1984), унаследованную К.Г. Юнгом (1991).

Интересно, что пишет о Достоевском С.В. Белов (1985): писатель благодаря особому ритму своего романа ("Преступление и наказание") создал новую геометрию искусства, дополнив евклидовский трехмерный мир "четвертым измерением" – духовностью. И это не просто очередная реминисценция. В литературном произведении действительно явственно прослеживаются два яруса – фигуративизации (символизации ядерных смыслов) и иконизации, ответственной за иллюзию референции к реальному миру (Греймас–Курте 1983).

Сама семиотика по отношению к проблеме референции делится на две основные традиции – европейскую (Соссюр, Ельмслев) и американскую (Пирс, Огден и Ричардс). Первая требует исключать референт, субстанцию из знакового анализа как дополнитель-

ные к планам языка (означающему и означаемому), гетерогенные переменные величины. Традиционно референцией всегда занималась логика: это отношение знака к реальной действительности, выраженное в терминах истинности/ложности. Человек же, образно говоря, ищет счастья, а не справедливости, внутренняя адаптация ("быть самим собой") для него часто важнее, чем адаптация внешняя, в лице которой предстает и приспособление к миру культуры. Здесь в более выгодном положении оказывается европейская (французская и швейцарская) семиотическая традиция, анализирующая связь (ассоциативную – по Соссюру – и взаимно пресуппозитивную – по Ельмслеvu) означаемого и означающего; смысла, психического образа и звукового (для естественного языка) образа – то, что называется сигнификацией (ее отличие от референции установили еще древние стоики). Европейская семиотика в этом отношении личностнее, "интимнее" американской, философичнее, можно сказать. Как известно, понимание мира – основная цель не только науки, но и религии, искусства, философии. Однако для последних оно связано с восприятием внутреннего порядка и единства хаотического мира нашего опыта (М. и И.Ф. Голдстейны 1984).

Именно к проблеме означаемых, личностных смыслов, сводится, главным образом, проблема подобного "внутреннего" понимания, само(о)сознания. Лингвистов давно волновало то, что выражено в знаменитой формуле Блумфилда: смысл существует, но мы не можем сказать о нем что-нибудь осмысленное. Поэтому, в противоположность детальнейшим образом разработанному плану означающего, план означаемого ускользал от позитивного изучения. Греймас и Курте (1983) пишут, что прорыв здесь произошел после настоящей революции в умах: если ранее лингвисты были уверены, что они описывают "факты" языка, то потом стало ясно, что лингвистика – это лишь теоретический конструкт, стремящийся объяснить явления, иначе (и непосредственно) не достижимые. Иначе говоря, это все тот же метод моделирования, "черного ящика". Традиция Соссюра–Ельмслева находится уже в этом русле: значение есть создание и/или понимание "различий", и семиотическая теория (которая с самого начала должна представлять собой то, что она есть, а именно теорию значения) должна объединить все понятия,

которые сами по себе неопределяемы, для определения элементарной структуры значения.

То же – и с индивидуальными, личностными смыслами: осознать их можно, лишь объединив в некий осознаваемый личностный универсум, и уже после этого произойдет подобное создание и/или понимание различий (великолепный образец такой "внутренней структуриации" и синтеза можно видеть в романе Ж.-Ш. Гюисманса "Наоборот"). Важно, что эти различия основаны на безусловной практической (в той же мере, как евклидова геометрия) аксиоматике – физиологической и социальной достоверности основных эмоций (страх, гнев, удивление, радость) – естественно, если иметь в виду здоровую психику. Каждый из нас прекрасно "знает", что ему нравится, а что – нет. Психологи отмечают **исключительность** эмоций по отношению к другим состояниям и реакциям организма – это абсолютный сигнал полезного или вредного воздействия на него, возникающий даже раньше, чем определены локализации воздействия и конкретный механизм ответной реакции (Анохин 1984). Однако нельзя включать в указанную "эмоциональную аксиоматику" эмоции сложные, производные (от особенностей данной культуры, общественных стереотипов), такие как, например, стыд, чувство вины, зависть и др. Весь этот "выход в психологию", мы думаем, не нарушает строгости семиотического анализа (даже в такой трудноулавливаемой сфере, как психосемиотика), по следующим причинам. Установление различия основных, первичных, и производных, вторичных, эмоций во многом опирается как раз на семиотический (пусть и не всегда осознаваемый) анализ культуры, в том числе языка, а именно в нем эксплицитно проявляются этнокультурные различия, даже психологические эксперименты с представителями разных наций включают процедуру словесного опознания (Блум–Лейзерсон–Хофстедтер 1988). И, напомним, речь идет об аксиомах, принимаемых без доказательств, психология же в данном случае оперирует самоочевидными фактами. Наконец, последнее: эмоциональные состояния представляют собой все тот же "трудноуловимый смысл", означаемые, развести которые на базовом уровне аксиоматики без помощи сущностного анализа, очевидно, невозможно.

Почему же все-таки для описания индивидуальных смыслов применим семиотический метод и что он здесь может дать? Герменевтика, например, не задается вопросом о выработке метаязыка описания культуры. Это, таким образом, не "надкультурная" (объяснительная) парадигма, а один из реализованных в культуре вариантов. Напротив, для семиотики в строго научном смысле метаязык – наиболее острая проблема. Первоначальное обозначение "семиология" теперь оставлено за такой семиотикой, которая трактует описание означаемого просто как проблему парафразирования. Собственно семиотика идет дальше: чтобы избежать субъективности, она устанавливает для парафразы определение правила и анализирует парафрастическое описание – его результаты должны быть последовательным и адекватным конструктом. При этом речь не идет о "неподобающем господстве лингвистики", но об общих условиях научной деятельности (Греймас-Курте 1983).

Базовыми научными понятиями в семиотике служат дихотомии Соссюра (1977): означаемые/означающие, язык/речь, парадигматика/синтагматика, синхрония/диахрония. Мы пытаемся по возможности без натяжек очертить их значение для проблемы самосознания.

Начнем с базовых структур психики, описанных Юнгом (1991) как архетипы. Фактически Юнг за огромным многообразием означающих (в мифологии, психиатрии, астрологии, религии, сновидениях) уловил многократное повторение неких общих глубинных смыслов, означаемых. Можно также утверждать, что Юнг вывел из корпуса текстов, синтагматических образований порождающую их парадигму. Однако Юнг, насколько нам известно, терминологически не разграничивал архетип как коллективную, виртуальную (скрытую, потенциальную) сущность (по-соссюровски – "язык") и его индивидуальное, личностное, актуальное проявление (соответственно "речь"). Он писал о "специфической форме", носящей "более или менее личностный характер", и "коллективной общей форме" ("Подход к бессознательному"). Поэтому личностные проявления архетипов уместно было бы обозначить каким-то особым термином, например, "личностный смысл", в котором слово "смысл" вполне отвечает обозначаемому феномену, а словосочетание в целом употребляется в психологии с довольно близким значением эмоцио-

нальной проекции личности на явления окружающего мира. Если быть совсем уж точным, то актуализация происходит на двух уровнях – социальном и индивидуальном, личностном. С другой стороны, индивидуум способен осознать свою ценностную парадигму, аксиологию, исходя из всего необъятного корпуса своей индивидуальной синтагматики, текстов в широком смысле термина (линейных последователей): речевых произведений, поведения, ритуалов и т.д. И точно то же происходит на уровне общества в целом, выразителем ценностных парадигм которого является идеология (в смысле Греймаса и Курте (1983)). Наверное, наибольшая ценность семиотического метода заключается в том, что с его помощью можно выявить за бесчисленными проявлениями существование некоего набора конечных скрытых значимостных сущностей.

И еще. В архетипах явственно проглядывает дихотомия врожденного, онто- и филогенетического (диахронического) и функционального (синхронического). Юнг (1991) писал, что мифологические мотивы часто скрыты за современным образным языком: вместо Зевсова орла или птицы Рок выступает самолет, вместо сражения с драконом – железнодорожная катастрофа, а хтоническая Мать может явиться в образе толстой торговки овощами ("Психология и поэтическое творчество"). Это высвечивает и другую проблему – фетишизма как отождествления имени с обозначаемым им предметом или лицом, достаточно вспомнить первобытные экспедиции за именами врагов (когда собственных имен уже не хватает); не все ведь знают, что связь между означающим и означаемым (а также между знаком языка и его референтом) произвольна, символична.

Есть и более актуальные проблемы. Очевидно, вполне возможно рассматривать эмоции как "внутренние знаки" (точнее, как знаки с внутренними скрытыми от нас референтами и иконическими означающими – это те же самые труднопередаваемые состояния, которые мы испытываем, а писатели способны выразить в символических означающих – в тексте. Означаемыми здесь являются представления, образы наших эмоций – то, что мы "думаем" о них). П. Жане (1984) писал: в действительности причина того, что все видится нам в черном цвете, может заключаться в том, что мы не чувствуем в себе достаточно сил, чтобы воздействовать на обстоятельства и заста-

вить их обернуться благоприятным для нас образом. Из-за подобного истощения и психической бедности может произойти трагическое, поэтому их надо "хотя бы до некоторой степени понимать". Признание относительной независимости означаемого от референта вытекает из признания относительной автономности человеческой психики, того, что образы сознания и реалии окружающей действительности – явления разного порядка. Вундтом было разработано понятие "психической причинности", не сводимой к отражению внешней, "физической" причинности.

Семиотически мы изучаем эту автономную психику путем анализа её дискретных означающих (в частности, речевых образований) и, таким образом, интуитивно противопоставляя их – по значимости, делаем какие-то выводы относительно означаемых, смыслов, т.е. содержания какой-то части психики – сознания, того, что может быть вербализовано. Так как языковые механизмы членения представляются наиболее универсальными, то и основные лингвистические постулаты кладутся в основу анализа других знаковых систем и процессов означивания. Не остается ли такое изучение все же в значительной мере формальным, дегуманизированным (ведь объект изучения семиотики – человек)? Нам кажется, по меньшей мере в идеале – нет. Не зря, глубокий философский анализ часто доходил до основных содержательных парадигм сознательного и бессознательного. И не случайно: изучая единичные человеческие деяния, мы не знаем, что лежит в их основе. Юнг (1991) подчеркивал: "С древнейших времен наиболее рассудительные люди понимали, что любого рода внешние исторические условия – лишь повод для действительно грозных опасностей, а именно социально-политических безумий, которые не представляют каузально необходимых следствий внешних условий, но в главном были порождены бессознательным" ("Об архетипах коллективного бессознательного"). Все дело здесь в том, чтобы вовремя увидеть историческую ограниченность дососсюровской лингвистики, которая не способна эксплицировать скрытые, бессознательные ценности, управляющие нашим поведением. Семиотика же представляет собой такой анализ "форм", различий, который выявляет наиболее глубинные архетипические в своей основе содержания.

Конситуативное проявление архетипа – это психологически образ, а в речи – "словесная картина с малым последствием" (Юнг). О личностном смысле, ценностной сущности можно говорить уже тогда, когда этот образ становится эмоционально и семантически закрепленным, устойчивым. Подобное различие должно как-то проявляться и в художественном тексте, но только в тех случаях, когда оно эстетически значимо.

Действительно, личностный смысл может быть итерированным (распределенным, повторяющимся) во всем корпусе текстов определенного автора, не имея специальных показателей (маркеров) своей устойчивости. В этом отношении, если считать все написанное автором неким глобальным текстом, он будет характеризоваться некоторой изотопией (однородностью), обусловленной смысловой парадигмой. Так, П. Гиро (1980) установил, что у Бодлера "пропасть" всегда характеризуется как черное, сумрачное, ледяная бездна, ассоциирующаяся с понятием ужаса, тошноты и головокружения. Или тема индивидуальности у Пушкина: "(Из Пиндемонти)", "Поэт" и др.

Личностный смысл (тема) проявляется в авторских текстах повторяемостью и/или особыми формальными показателями, отличающими его от описания случайного, мимолежного образа (они выделены нами в нижеприведенных иллюстрациях). Эти маркеры могут быть лексическими и грамматическими; первое, что бросается в глаза, это темпоральные наречия и видо-временные формы глаголов со значением повторяющегося действия или состояния (имперфектным, настоящим неактуальным): "Необъяснимым холодом **в**яло на него **всегда** от этой великолепной панорамы... Дивился он **каждый раз** своему угрюмому и загадочному впечатлению и откладывал разгадку его..." ("Преступление и наказание"); "**Когда** за городом, задумчив, я **брожу**..." (Пушкин); "Ветер августа, хмурый товарищ, / **Вот ты снова приходишь за мной**" (А. Сопровский).

Различие между "образом" и "темой" – соответственно между окказиональным и узуальным для данной личности речевыми проявлениями архетипов – семиотически значимо. В первом случае мы имеем непосредственно формирующийся в тексте дискурсивный смысл; если ему и соответствует какое-либо довербальное содержание, то это нечто вроде интенции или фрейма. Второй же случай

представляет нам элемент индивидуального мира, семантического универсума личности, ее аксиологии. Если принять, что литературное произведение представляет собой ритмически организованное иконизированное разворачивание индивидуальных (коллективных) ценностных сущностей, то окажется, что два вида означаемых – образ и личностный смысл – связаны с различными ярусами художественного текста. Образы в значительной мере формируют иконический, наглядно-изобразительный уровень (то, что Барт (1989) называет "описанием"), личностные смыслы образуют его концептуальную, "идейную" основу. Дальнейший анализ, надеемся, позволит обнаружить более детальную дифференциацию соответствующих означающих.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, П.К. 1984, Эмоции. В кн.: *Психология эмоций: Тексты*. М.: Изд-во МГУ, 172-177.
- Барт, Р. 1989, *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс.
- Белов, С.В. 1985, *Роман Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание": Комментарий*. М.: Просвещение, 2-е изд.
- Блум, Ф. – Лейзерсон, А. – Хофстедтер, Л. 1988, *Мозг, разум и поведение*. М.: Мир.
- Гиро, П. 1980, Разделы и направления стилистики и их проблематика. В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. Лингвостилистика*. М.: Прогресс, 35-68.
- Голдстейн, М. – Голдстейн, И.Ф. 1984, *Как мы познаем. Исследование процесса научного познания*. М.: Знание.
- Греймас, А.Ж. – Курте, Ж. 1983, Семиотика. Объяснительный словарь теории языка. В кн.: *Семиотика*. М.: Радуга, 483-550.
- Гюисманс, Ж.-Ш. 1990, *Наоборот*. М.: Всесоюзный молодежный книжный центр.
- Жане, П. 1984, Страх действия как существенный элемент меланхолии. В кн.: *Психология эмоций: Тексты*. М.: Изд-во МГУ, 192-202.
- Сопровский, А. 1992, Пристаннище ветхой свободы: Стихи, эссеистика. *Новый мир* № 3, 182-207.
- Соссюр, Ф. де 1977, Курс общей лингвистики. В кн.: Соссюр, Ф. де, *Труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 31-269.
- Юнг, К.Г. 1991, *Архетип и символ*. М.: Изд-во "Ренессанс" СП "ИВО-Сид".